

Г. А. Вильданова

ИНСТИНКТ ЭВФЕМИЗАЦИИ

Анализируются причины активного использования эвфемизмов в речи с позиций психолингвистики, этологии и эволюционной биологии. Эвфемизм рассматривается как речевая стратегия, биологически целесообразный языковой механизм защиты и рационально обоснованная психологическая тактика. Приводятся условия коммуникации, при которых снижается роль принципа вежливости как стратегии «сохранения лица» и стратегии реализации принципа кооперации в качестве основного мотива при функционировании эвфемизмов и не прямых высказываний.

Ключевые слова: эвфемизм, не прямая коммуникация, инстинкт, теория стратегической коммуникации, принцип кооперации, вежливость.

Эвфемизм как феномен языка и речи плодотворно изучается отечественными и зарубежными учеными в русле различных теоретических направлений (прагмалингвистики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, антропологии, этнографии и т. д.). Исследователи часто приходят к выводу о естественной склонности человеческой природы эвфемизировать, т. е. в определенной форме кодировать негативный денотат и таким образом «отгораживаться» от неприятной реальности за расплывчатыми, успокаивающими формулировками. Как отмечает Р. Кейес, «тот факт, что люди полагались на уклончивую речь столь долго и облакали ее в столь различные формы, дает возможность предполагать, что, вероятно, существует врожденная необходимость выражаться уклончиво» (перевод автора) [1, с. 246]. По мнению Дж. Уильямса, эвфемизм – настолько убедительное явление, присутствующее человеческой природе, настолько глубоко проникшее практически во все известные культуры, что невольно возникает соблазн заявить, что люди запрограммированы на поиск путей обхода табуируемых тем в речи [2].

Действительно, эвфемизм присутствовал в речи человека с незапамятных времен, выступая как уникальный лингвистический механизм регуляции дилемм морально-этического и психологического плана. Пролить свет на механизм «инстинкта» эвфемизации можно, обратившись к некоторым междисциплинарным исследованиям, вскрывающим взаимосвязь и проявление биологической, психологической и социальной сторон человеческой природы в речи. В связи с этим любопытным представляется объяснение отправных факторов подобного уклончивого речевого поведения с позиции этологии.

По мнению Р. Кейеса, первоначальным и самым древним мотивом эвфемизации служит чувство отвращения к определенным естественным явлениям, которые вследствие этого получают статус табуируемых и избегают упоминания, становятся объектом эвфемизации. Автор «Эвфемии» опи-

рается на данные исследования, проведенного физиологом В. Кертис: проведенный эксперимент выявил, что чувство отвращения к определенным явлениям и соответствующие табу присущи многим культурам. Отвращение к нечистотам и внешним проявлениям болезней, предвещающим риск для собственного здоровья, превратилось в составляющую человеческой природы. В. Кертис утверждает, что отвращение – это биологически целесообразный механизм, позволивший человеку как виду выжить; отвращение инициировало различные табу, следование которым, то есть соблюдение гигиены, оберегало от болезней [3]. Как средство, необходимое для выживания, в процессе эволюции отвращение закрепилось на уровне подсознания, в глубинных структурах человеческого мозга. Этот факт объясняет, почему эту эмоцию так трудно преодолеть, ее инстинктивный характер. С точки зрения эволюционно-генетического подхода человеческий мозг жестко запрограммирован на отвращение [4, с. 79–90]. Соответственно, нежелание упоминать объекты, сопряженные с чувством отвращения, становится частью естественного речевого поведения человека. Как отмечает У. И. Миллер, само употребление эвфемизма говорит о присутствии табу, предупреждает об опасности и чувстве отвращения, связанном с ней [5]. Физиологическая гигиена трансформируется в «вербальную гигиену» (термин Д. Камерон) [6], получившую свое выражение, в частности, в эвфемизмах.

Таким образом, в плане исследуемой проблемы это означает, что эвфемизм – это своеобразное вербальное проявление стремления человека к чистоте, вербальная «дезинфекция»/«санация», проистекающая из отвращения и, соответственно, инстинкта самосохранения. Данное положение тесно перекликается с мнением психолингвистов Н. Л. МакКаллен и М. МакГлоуна, которым объяснение феномену эвфемизации видится в следующем: исследователи полагают, что эвфемизм это своеобразная стратегия дистанцирования как средство преодоления

страха смерти. Другими словами, эвфемизмы это не последние «кирпичики в стенах, которые мы строим, чтобы отгородиться от смерти и чувствовать себя в безопасности» (перевод наш. – Г. В.) [1, с. 145]. Эксперимент, проведенный Н. Л. МакКаллен и М. МакГлоуном, выявил, что испытуемые используют большее количество эвфемизмов при описании человеческих проявлений животного начала, если перед этим с ними обсуждали темы, сопряженные со смертью [7]. Исходя из теории управления страхом (смерти), для человека любое напоминание о своей «животной» природе – это напоминание о бренности бытия. Исследователи ссылаются на антрополога Э. Беккера, который в книге «Отрицание смерти» утверждает, что мысль о смерти и страх смерти преследуют человека как ничто другое; это главная движущая сила любой человеческой деятельности, основная цель которой – отвлечь от неизбежности смерти, преодолеть фатум, так или иначе отрицая судьбу, уготовленную каждому человеку. Человеческая цивилизация, в частности культура, – многогранный психологический защитный механизм, направленный против осознания собственной смертности [8]. Данную точку зрения разделяет Л. Роузварн, которая утверждает, что основной причиной эвфемизации является желание отстраниться от понятия, психологически обоснованного стремлением дистанцироваться от неприятного [9, с. 67–85].

Психолингвист С. Пинкер также рассматривает проблему функционирования эвфемизмов и косвенных речевых актов через призму эволюционной биологии и психологии. Вместе с Дж. Ли он задается вопросом, почему человеческое общение изобилует эвфемизмами и непрямыми высказываниями – крайне неэффективными и ненадежными с научной точки зрения, например, принимая во внимание принцип кооперации Г. Грайса, который рекомендует избегать неоднозначности, быть кратким и не отклоняться от темы. Принцип кооперации получает значительное освещение и развитие в научных трудах, посвященных вопросу вежливости. В частности, попытка описать социальные мотивы не прямой коммуникации предпринималась П. Браун и С. Левинсоном, которые, опираясь на понятие «лица», представляют четыре стратегии, вовлеченные в бесконечную борьбу за «восстановление лица»: позитивная вежливость (направленная на сближение, проявление солидарности), отрицательная вежливость (направленная на дистанцирование) и косвенные речевые акты в формальной (этикетные клише) и неформальной (оказионализмы уклончивого характера) коммуникации.

Теория совместного действия Г. Кларка также признает принцип кооперации как центральный в речепроизводстве: «Использование языка – это

форма совместного действия» [10, с. 6]. Основное объяснение косвенных речевых актов, предоставляемое данной теорией, – это совместное стремление к равновесию, то есть «издержки и выгоды» коммуникантов должны быть сбалансированы, каждый «ликоугрожающий» акт – компенсирован. Однако, по мнению С. Пинкера, из поля зрения данных концепций выпадают косвенные речевые акты, имеющие место быть в неформальной обстановке – наиболее сложные для интерпретации, наиболее эмоционально нагруженные и имплицитно содержащие межличностный конфликт. Такие потенциально конфликтные высказывания, как предложения о взятке, вымогательства, угрозы, соблазна, редко изучаются в научных работах, посвященных принципу кооперации в общении, несмотря на то, что именно они наиболее насыщены косвенными речевыми актами и, что не маловажно, редко вежливо оформлены.

Согласно некоторым исследованиям, неформальные косвенные речевые акты иногда граничат с грубостью, что ставит под вопрос центральное положение, традиционно отводимое вежливости при непрямом речепроизводстве. В частности, один из экспериментов выявил, что содержащие негативную информацию речевые акты оформляются как максимально косвенные и необязательно вежливые высказывания [11].

Кроме этого, исследование М. МакГлоун и Дж. Батчелор, проведенное с целью выявить важность мотива «сохранения лица» для эвфемизации, обнаружило, что стремление сохранить свое лицо превалирует над желанием защитить чувства других. В ходе эксперимента испытуемым нужно было сформулировать высказывания на щекотливые темы в условиях анонимности/публичности в Интернете. В случае публичности речь коммуникантов была более насыщена эвфемизмами, чем в случае анонимности, из чего лингвисты сделали вывод, что забота о собственном «лице» важнее вежливости [12].

В случае с компьютерно-опосредованной коммуникацией употребление эвфемизмов тесно связано с проблемой самоидентификации личности. Фактор анонимности и дистантности, толкающий нередко на невежливое речевое поведение, одновременно позволяет пользователю стать кем угодно в сети, то есть Интернет позволяет человеку не только свободно высказываться, но и дает возможность приукрасить себя, стать на время иной личностью, более раскованной, привлекательной и независимой, менее уязвимой и уязвимой. К тому же виртуальный дискурс нивелирует традиционные культурные нормы речи: к чему пользователям прибегать к эвфемизмам, косвенным номинациям, чтобы завуалировать понятия, если сама форма

коммуникации взывает к прямоте изложения и краткости в силу анонимности, необходимости компрессии, демократичности общения и свободы самовыражения [13].

Критикуя теорию П. Браун и С. Левинсона, С. Пинкер говорит о противоречивости интерпретации некоторых косвенных речевых актов (например, угрозы) с позиции позитивной и негативной вежливости. По мнению психолингвиста, концепция Г. Кларка также несовершенна, так как не принимает во внимание качественные различия в отношениях коммуникантов. Во-первых, с точки зрения эволюционной биологии, социальное взаимодействие особей одного вида никогда не является полностью взаимовыгодным и подразумевает частичный конфликт интересов [14] и, соответственно, делает роль принципа кооперации малозначимой. Другая, не менее существенная, поправка заключается в том, что отношения между особями одного вида могут варьироваться в зависимости от их родства, пола, физической силы и сложившихся обстоятельств, что находит отражение в адекватном наборе коммуникативных стратегий.

В этой связи стоит упомянуть теорию социальных взаимоотношений А. П. Фиска, определяющую модели взаимоотношений, стратегии поведения и вид кооперации в зависимости от отношений. По мнению антрополога, поведение, являющееся нормой внутри одного типа взаимоотношений, может стать аномалией в другом. При этом в том случае, когда обе стороны не уверены, что они понимают друг друга, это может привести к негативным эмоциям и поставить в неловкое положение [15]. Заметим, что в американском контексте изучение данной проблематики имеет важное прикладное значение для юридической практики. Опыт судебных разбирательств показывает, что косвенность и двусмысленность высказывания используются как уловка и помогают избежать многомиллионных издержек, в то время как прямые высказывания часто обрекают подсудимых на провал.

Развивая эти концепции, С. Пинкер и Дж. Ли разработали теорию стратегической коммуникации, объясняющую причины использования косвенных речевых актов в неформальной коммуникации. Теория С. Пинкера рассматривает косвенное речеобразование как стратегию коммуникативного поведения говорящих в условиях неопределенности развязки и непредсказуемости ответной реакции. Принцип кооперации в подобной коммуникации не является отправным, напротив, сама коммуникация направлена на установление кооперации и определение ее рамок. Суть концепции С. Пинкера в том, что косвенный речевой акт предоставляет возможность отрицания, опровержения намерений в условиях неопределенности развязки

ситуации, т. е. неопределенность высказывания оставляет «лазейку» для адресанта и в случае неудачи «переговоров» он может отказаться от своих слов, не признать наличия дополнительного смысла, скрытого в косвенном высказывании. На практике это подразумевает возможность избежать судебного разбирательства, конфликта и неприятия [11]. Неудивительно, что и другие исследователи отмечают это свойство уклончивой речи, в частности эвфемизмов: социолог П. Бурдые полагает, что эвфемизмы вдвойне удобны, так как одновременно позволяют *называть* предмет и *отрицать* его название [16].

Проведенный С. Пинкером и Дж. Ли эксперимент показал, что, во-первых, чем более враждебно настроенным представляется адресат и чем болезненнее оценивается возможный урон, тем более косвенную речевую форму использует адресант; во-вторых, степень прямоты прямо пропорционально определяет адресатом наличие имплицатур в высказывании и, в-третьих, враждебно настроенному адресату, в отличие от желающего сотрудничать, требуется более эксплицитно выраженное и прямое предложение для того, чтобы предпринимать дальнейшие действия, руководствуясь своими соображениями.

Таким образом, в теории стратегической коммуникации неформальные косвенные речевые акты – это не часть светского ритуала, а рационально обоснованная стратегия. При этом С. Пинкер допускает, что принцип кооперации в той или иной мере лишь сопутствует столкновению интересов, граничит с конфликтом и неформальные не прямые речевые акты направлены на преодоление данного конфликта интересов и достижение сотрудничества. Сущность данной концепции – модель, позаимствованная из теории игр, которая демонстрирует, что не прямые высказывания дают возможность говорящему «пойти на попятную»: положительно настроенный адресат примет предложение, в то время как несговорчивый не имеет фактических оснований враждебно реагировать на слова, преследовать адресанта. По мнению С. Пинкера, данная концепция распространяется на такие социальные явления, как двуличие, эвфемизм, табу, оскорбления в завуалированной форме, политкорректность, показные вежливые формы, набожность и др. [11].

Как видим, С. Пинкер творчески подошел к решению задачи и, привлекая данные различных отраслей знания, убедительно сформулировал простую и ясную модель. Завуалированные, двусмысленные высказывания, эвфемизмы – это ни что иное, как эволюционно усовершенствованная стратегия выживания. Интересно, что в рамках такого подхода роль вежливости как основного мотива эв-

фемизации и косвенных речевых актов практически сводится к нулю.

Важно заметить, что рассмотрение не прямой коммуникации с позиции теории игр также осуществлялось и другими исследователями, в частности, К. Де Ягхер и Р. Ван Рой утверждают, что использование косвенности является наиболее оправданным в ситуации, когда слушатель не в полной мере осознает контекст, в котором осуществляется косвенный речевой акт. Они также оговаривают тот факт, что не все случаи не прямой коммуникации проистекают из конфликта интересов [17]. Это справедливо в отношении ряда групп эвфемизмов (например, телесной сферы), и это положение несколько корректирует концепцию С. Пинкера. Тем не менее изучение не прямой коммуникации (и эвфемизмов как одного из ярких ее проявлений) в рамках стратегической коммуникации открывает новые возможности и перспективы.

Схожая точка зрения обнаруживается в работах отечественных лингвистов А. Р. Дегтярёвой и М. А. Осадчего, изучающих функционирование эвфемизмов в юридическом дискурсе, в частности правовой риск как одна из активных детерминант развития эвфемии в публичной коммуникации. Заслуживает внимания мнение исследователей, которые полагают, что изначально эвфемистические «подменные номинации как лексический класс

возникли под влиянием коммуникативной стратегии ухода от риска. Коммуникативная стратегия стремления к корректности, этичности включилась в процесс формирования эвфемии на поздних стадиях развития лексики. Коммуникативные стратегии ухода от риска и стремления к корректности являются в известной степени противоположными. Уход от риска – это стратегия, основанная на адресантоцентризме, стремлении говорящего обеспечить свою собственную безопасность. Стремление к корректности – это стратегия, основанная на адресатоцентризме, желании говорящего не навредить слушающему или предмету речи, не смутить окружающих, не поставить их в неловкое положение», и, таким образом, «эвфемизм – это менее рискованная номинация, заменяющая в речи более рискованную» [18, с. 159].

Исходя из вышеизложенного, эвфемизм представляется психологически обоснованной и продуманной речевой стратегией «выживания в неблагоприятной среде». На взгляд автора, стремление эвфемизировать – это одно из проявлений инстинкта самосохранения на коммуникативном уровне, оно обеспечивает бесконфликтное коммуникативное взаимодействие и позволяет, образно выражаясь, «убить двух зайцев одним выстрелом» – высказаться и в то же время умолчать о нежелательной сути.

Список литературы

1. Keyes R. Euphemania: our love affair with euphemisms. New York: Hachette Book Group, 2010. 279 p.
2. Williams J. M. Origins of the English language: A social and linguistic history. New York: Free Press, 1975. 418 p.
3. Curtis V. A. Dirt, disgust and disease: a natural history of hygiene // Journal of Epidemiological Community Health. 2007. Aug. № 61 (8). P. 660–664.
4. Хэммонд К. На качелях эмоций. Почему мы любим, ненавидим, радуемся и страдаем. М.: Олимп-Бизнес, 2007. 340 с.
5. Miller W. I. The Anatomy of Disgust. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. 320 p.
6. Cameron D. Verbal Hygiene. Taylor and Francis, 2012. 326 p.
7. McCallum N. L., McGlone M. S. Death Be Not Profane: Mortality Salience and Euphemism Use // Western Journal of Communication. 2011. October–December. V. 75, № 5. P. 565–584.
8. Becker E. The denial of death. New York: Free Press, 1973. 314 p.
9. Rosewarne L. American taboo: the forbidden words, unspoken rules, and secret morality of popular culture. Santa Barbara, California, 2013. 324 p.
10. Clark H. H. Using language. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1996. 446 p.
11. Pinker S., Lee J. Rationales for Indirect Speech: The Theory of the Strategic Speaker // Language, Cognition, and Human Nature: selected Articles. Steven Pinker. New York: Oxford University Press, 2013. P. 302–356.
12. McGlone M. S., Batchelor J. A. Looking out for number one: Euphemism and face // Journal of Communication. 2003. № 53. P. 251–264.
13. Вильданова Г. А. Специфика эвфемизации в условиях компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале английского языка) // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Серия «Лингвистика». 2013. Т. 10, № 2. С. 15–18.
14. Trivers R. L. Social evolution. Reading, MA: Cummings, 1985. 479 p.
15. Fiske A. P. Structures of social life: The four elementary forms of human relations. New York, NY: Free Press, 1991. 486 p.
16. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. 320 p.
17. De Jaegher K., Van Rooij R. Strategic Vagueness, and Appropriate Contexts // Language, Games, and Evolution. Trends in Current Research on Language and Game Theory. Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 2011. P. 40–59.
18. Дегтярёва А. Р., Осадчий М. А. Легевфемизм как тактика ухода от правовых рисков в новостных интернет-изданиях // Вестник КемГУ. 2012. Т. 3, № 4 (52). С. 159–162.

Вильданова Г. А., кандидат филологических наук, доцент.

Бирский филиал Башкирского государственного университета.

Ул. Интернациональная, 10, Бирск, Республика Башкортостан, Россия, 452455.

E-mail: guzelec@gmail.com

Материал поступил в редакцию 08.10.2015.

G. A. Vildanova

EUPHEMIZATION INSTINCT

The article presents an overview of rationales for euphemisms usage. We consider the problem from the point of psycholinguistics, social psychology, evolutionary biology and ethology. Biological researchers believe that a need for euphemisms could be one of the earliest linguistic imperatives imposed by disgust, thus euphemisms present a verbal hygiene strategy. Psychologists state that it is a distancing strategy, a means to manage human terror at the prospect of death. The article also considers the central role of politeness and cooperation principle in euphemistic and off-record indirect speech generation. From the perspective of the theory of strategic speaker indirect communication does not always involve pure cooperation between speaker and hearer but a mixture of cooperation and conflict and euphemising can be used to negotiate this uncertainty. Therefore, euphemism as a form of indirect proposition can allow for plausible deniability and has a strategic rationale.

Key words: *euphemism, indirect speech, instinct, theory of strategic speaker, principle of cooperation, politeness.*

References

1. Keyes R. *Euphemania: our love affair with euphemisms*. New York, Hachette Book Group, 2010. 279 p.
2. Williams J. M. *Origins of the English language: A social and linguistic history*. New York, Free Press, 1975. 418 p.
3. Curtis V. A. Dirt, disgust and disease: a natural history of hygiene. *Journal of Epidemiological Community Health*, 2007, Aug., no. 61 (8), pp. 660–664.
4. Hammond K. *Na kachelyakh emotsiy. Pochemu my lyubim, nenavidim, raduemysya i stradaem* [Emotional Rollercoaster: A Journey Through the Science of Feelings]. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 2007. 340 p. (in Russian).
5. Miller W. I. *The Anatomy of Disgust*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1997. 320 p.
6. Cameron D. *Verbal Hygiene*. Taylor and Francis, 2012. 326 p.
7. McCallum N. L., McGlone M. S. Death Be Not Profane: Mortality Salience and Euphemism Use. *Western Journal of Communication*, 2011, October–December, vol. 75, no. 5, pp. 565–584.
8. Becker E. *The denial of death*. New York, Free Press, 1973. 314 p.
9. Rosewarne L. *American taboo: the forbidden words, unspoken rules, and secret morality of popular culture*. Santa Barbara, California, 2013. 324 p.
10. Clark H. H. *Using language*. Cambridge, England, Cambridge University Press, 1996. 446 p.
11. Pinker S., Lee J. Rationales for Indirect Speech: The Theory of the Strategic Speaker. *Language, Cognition, and Human Nature: selected Articles. Steven Pinker*. New York, Oxford University Press, 2013. P. 302–356.
12. McGlone M. S., Batchelor J. A. Looking out for number one: Euphemism and face. *Journal of Communication*, 2003, no. 53, pp. 251–264.
13. Vildanova G. A. Spetsifika evfemizatsii v usloviyakh komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii (na materiale angliyskogo yazyka) [Specificity of euphemization in computer-mediated communication (in the English language)]. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika" – Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"*, 2013, vol. 10, no. 2, pp. 15–18 (in Russian).
14. Trivers R. L. *Social evolution*. Reading, MA: Cummings, 1985. 479 p.
15. Fiske A. P. *Structures of social life: The four elementary forms of human relations*. New York, NY: Free Press, 1991. 486 p.
16. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1991. 320 p.
17. De Jaegher K., Van Rooij R. Strategic Vagueness, and Appropriate Contexts. *Language, Games, and Evolution. Trends in Current Research on Language and Game Theory*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2011. P. 40–59.
18. Degtyareva A. R., Osadchiy M. A. Legevfemizm kak taktika ukhoda ot pravovykh riskov v novostnykh internet-izdaniyakh [Legeuphemisms as a tactics of legal risks avoidance in news Internet media]. *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo state university*, 2012, vol. 3, no. 4 (52), pp. 159–162 (in Russian).

Vildanova G. A.

Birsk Branch of Bashkir State University.

Ul. Internatsional'naya, 10, Birsk, Russia, 452450.

E-mail: guzelec@gmail.com